

элементы образа Стамбула, впервые интерпретируются на украинском языке элементы пьесы.

Ключевые слова: урбанистическая, турецкая драматургия, образ Стамбула.

Prushkovska I. V. An Urbanism Theme is in the Turkish Literary Context: Play “Istanbul is White, Vodka Varicoloured”

The article is devoted to an urbanism subject in the Turkish literary context. An author analyses the play of the Turkish dramatist Ozen Yula “Istanbul is white – vodka is varicoloured” for the purpose urbanism appearances. The semantic elements of appearance of Istanbul are considered, the elements of play are first interpreted into Ukrainian.

Key words: urbanism, Turkish dramaturgy, type of Istanbul.

Стаття надійшла до редакції 6.09.2012 р.

Прийнято до друку 30.11.2012 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Негодяєва С. А.

УДК 821.161.1 – 2.09 “199/200”

Л. В. Черниенко

**ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ
РУБЕЖА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ)**

*Я – дитя большого города,
Ожиданий и разлук.
Незначенные проводы –
Заколдованный мой круг
Прочь развернутые лестницы –
Антология моя,
И слова усталой сплетницы
Как основа бытия.*

Елена Московцева

Тема статьи находится на стыке урбанистической и гендерной проблематики, ибо, говоря о женщине в современном городе, ее городском быте, ее работе, семейных отношениях, моделях поведения, невозможно не сопоставить ее с мужчиной по тем же параметрам.

Даже при беглом взгляде на тематику современных пьес, становится ясно, что незначительная их часть **не** о городе. Примерно $\frac{3}{4}$ (а возможно, и больше) посвящено городу. Специальных филологических исследований по интересующей нас теме пока нет, хотя все серьезные

драматурговеды (М. Громова, Е. Эрнандес, И. Цунский, Е. Сальникова, Е. Соколинский, В. Бегунов и А. Дроздин (чаще работают вместе), Т. Свербилова, С. Гончарова-Грабовская и др.) касаются некоторых вопросов, связанных с ней.

Тема многопроблемна, и, естественно, даже обозначить тезисно весь круг проблем крайне затруднительно. **Цель данной статьи** – выделить и определить по сути главные, принципиально важные аспекты темы, интересны большинству русских (и не только) драматургов рубежа тысячелетий.

Для писателей начала XX века город был дьяволом (“город-дьявола копытами бил”, “город Желтого Дьявола” и под.), для авторов конца XX – начала XXI столетий – город-спрут, город-робот. Он обволакивает своими “щупальцами” и механизмирует его, превращая в работа, “самонастраивающегося, саморегулирующегося, самоуправляющегося, саморазмножающегося” [1, с. 58].

Женщины с их *открытым типом сознания* ощущают это яснее и болезненнее. В беседе двух городских женщин (пьеса М. Арбатовой “Виктория Васильева глазами посторонних”) дана “формула” шаблонности городской жизни:

“Вика. Я понимаю, сейчас вообще никто никому не нужен. *Живем как схемы. Общаемся как схемы.* Я понимаю, но от этого не легче.

Журналистка. Ничего не понимаю.

Вика. Вы просто не хотите посмотреть *на меня.* Увидеть *меня* (курсив везде мой – Л. Ч.). Смотрите на мою схему” [2, с. 386].

Схематизм, роботизация жизни города рубежа тысячелетий определили название одной из самых интересных статей начала нашего века об изображении человека в современной драматургии – “Куклы и маски – герои нашего времени” Е. Покорской [3].

Именно город обнажил главный гендерный конфликт последних двух – трех десятилетий: “Коренная ломка идет и во всех жизненных ролях мужчины и женщины, во всех их связях – экономических и семейных, социальных и сексуальных. Во многих странах – и, пожалуй, больше всего у нас – уже давно умирает патриархат, главенство отцов. Но верно ли, что на смену ему идет матриархат, главенство матерей? Помоему, это не так: по-моему, сейчас рождается новый небывалый уклад – биархат, главенство обоих полов (от латинского *bi* – два и греческого *arche* – главенство)...

Биархатные перевороты – это коренная перестройка всех женских ролей. Из домашней хозяйки женщина начинает превращаться в общественного работника, из “второго пола” начинает делаться равным. Кариатида теперь держит небо вместе с Атлантом, женщина становится таким же двигателем общества, как и мужчина. От этого в корне меняется весь уклад ее потребностей, весь смысл жизни...

С рождением биархата у женщины начинается рождаться новый смысл жизни – двоякий. Теперь женщина видит его в двурядовой жизни – домашней и рабочей сразу. В ней просыпается тяга к разносторонней жизни, к перемене занятий, к насыщению и своим женским, и общественным запросам” [4, с. 180 – 181].

Как любая переходность, биархат усложняет жизнь всем, особенно женщине. Она хочет все успеть, все охватить, всюду быть полностью реализованной. Но как считают авторы современных пьес, почти ни у кого это не получается. Ни у актрис в пьесах М. Яблонской (“Плюшева обезьянка в детской кровати”) и О. Кучкиной (“Сотовый”), ни у героинь М. Арбатовой – врача (“Уравнение с двумя известными”), журналистки (“Пробное интервью на тему свободы”), ни у “простых, малообразованных” женщин Н. Коляды (“Персидская сирень”, “Уйди-уйди”).

Сопоставляя модели поведения современных женщин и мужчин, драматурги (и женщины, и мужчины) подчеркивают большую активность женщин, их стремление к действию, поступкам, поискам выхода из сложных социальных и личных ситуаций: В. Азерников “Школа соблазна”, М. Ворфоломеев “Летом”, К. Драгунская “Пить, пить, плакать...”, Л. Зорин “Сыщица”, О. Кучкина “Сусси, или Триумф”, Н. Птушкина “Мало секса”, Л. Разумовская “Житие Юры Курочкина и его близких”, Е. Исаева “Про мою маму и про меня”, С. Радлов “Небесное вино”.

Но город делает женщину не совсем женщиной или совсем неженщиной. Эмоциональная и нравственная маскулинизация приводит к деформации женского характера и выбору (часто вынужденному) неженских профессий: героиня О. Кучкиной Лиля из одноименной пьесы, по профессии юрист, работает рубщиком мяса в гастрономе, а Екатерина (Л. Зорин, “Сыщица”) – хозяйка сыскного бюро, которая часто и ведет себя, и высказывается по-мужски грубо, даже вульгарно. Яша из пьесы-гротеска (по определению автора) О. Кучкиной “Сусси, или Триумф” говорит главной героине Ксении: “Все-таки ты странно устроена. Больше мужчина, чем женщина” [5, с. 40]. Символично в этом смысле название пьесы Л. Евгеньевой “Мой божество, моя кумир”, которое в комментариях не нуждается.

Особые проблемы связаны с “городскими комплексами” и “социальными городскими болезнями”, которые заражают почти всех, особенно жительниц мегаполисов: шопинг, следование моде любой ценой, освоение мужских моделей поведения и т.д.

Екатерина Нарши (уже хорошо известной в России и за ее пределами молодой драматург) в интервью для журнала “Современная драматургия” говорила даже об особой городской “женской мифологеме”: “Женщины так устроены, что глупые, ленивые, бестактные никогда не винят себя в том, что они такие. Но любая, даже самая хорошенькая, предъявляет претензии к своей внешности: если бы мои

ноги были подлиннее, я бы многого добила. Этот комплекс часто встречается и у самых очаровательных. У нас, женщин, многое в жизни не получается из-за нашей лени, глупости, невежественности. А мы обвиняем в этом форму носа и глаз” [6, с. 197]. Идея драматурга очевидна: *город акцентирует внимание женщины на внешнем, уводя от главного – духовного.*

Ана (для оригинальности девушка исключила одну букву из имени) из “диетической комедии” (авторский жанр) Н. Рудковского “Ана и ананас” для обретения стройности ест кактусы, убеждая себя в том, что они вкусны и полезны. Шаржированность ситуации усугубляется тем, что Ана, по профессии парикмахер, вначале аккуратно стрижет растения, по ее разумению, так же артистично, как и своих клиентов.

Особенно внимательны драматурги к тому явлению, которое психологи называют “выравниванием по низшему уровню” (В. Переведенцев), а поэты определяют в “формуле” “мы женщину сместили, мы ее *унизили* (курсив мой – Л. Ч.) до равенства с женщиной” (Е. Евтушенко). Героиня “Войны отражений” (вторая часть пьесы М. Арбатовой “Дранг нах вестен” жестко бросает любовнику: “Я просто отношусь к мужчинам, как большинство из них относится к женщинам...)

Мужчина считает, что женщина – объект потребления, который должен быть удобен. Я тоже считаю, что мужчина – это объект потребления, и тоже требую от него удобства” [7, с. 362].

Переживая почти ежедневно “апокалипсис на бытовом уровне” (Е. Сальникова), городская жительница пытается стать свободной и самодостаточной, нередко любой ценой: отказываясь от брака и (или) рождения детей (“Плюшева обезьянка в детской кроватке” М. Яблонской, “Нескромные желания, или Зойкина контора” В. Красногорова), “отодвигая” на задний план любовь и дружеские отношения (“Лиля” и “Сусси...” О. Кучкиной, “Школа соблазна” В. Красногорова), становясь стервой, “пантерой” (“Пантера” П. Гладилина, “Сыщица” Л. Зорина), пускаясь во все тяжкие (об этом многие пьесы Н. Коляды).

Но женщина не может всерьез позволить себе делать все, что она хочет (слишком много ограничений, стандартов, стереотипов и проч.). В лучшем случае она может не делать того, что не хочет (многие героини М. Арбатовой, Е. Исаевой, А. Галина, А. Слаповского, К. Драгунской, Л. Разумовской).

Стремление женщин к свободе (в первую очередь финансовой и социальной) и желание достичь высот небывалых во всех сферах жизни приводит к распаду семьи – либо к разводу, либо (чаще) к формальному семейному сосуществованию. Нет ни одной современной “городской” пьесы, где бы не затрагивалась эта проблема. И как раз здесь гендерный подход обязателен, т.к. позиция женщины провоцирует мужчину на деструктивное поведение и наоборот. Так, в “Сирене и Виктории” А. Галина Виктория, доктор филологических наук, профессор, всегда

стремилась и наукой заниматься, и семью “блюсти”, не жалея сил. В результате муж зажил своей жизнью, стал богатым человеком и решил построить “современные семейные отношения”, т.е. начал менять любовниц чаще, чем рубашки, организовывать оргии с друзьями. Но разводиться не желал. “Он мне *предлагал деньги* (курсив мой – Л. Ч.), чтобы я закрыла на все глаза. Какой ужас я пережила! Наконец я ему сказала: “Лёничка, я больше не могу, ты теперь не мой муж. Тот человек, которого я люблю, умер...” [8, с. 70].

Конечно, от семейной жизни женщину отвлекают городские соблазны, стремление “быть на уровне” (модно одеваться, посещать косметические салоны, престижные выставки или хотя бы смотреть фильмы, о которых говорят и т.д.), но главное препятствие в создании гармоничной семьи – реализация на новом уровне и в новом времени знаменитого выражения “я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик”.

Современные исследователи (в первую очередь П. Богданова, И. Вишневская, О. Богомолова, И. Цунский, Е. Сальникова, О. Фокс) пытаются как-то “классифицировать” типы современных городских женщин: бизнес-леди, женщина богемы, приложение к интерьеру, жрица быта (кухонная баба), безмозглая куколка, безлюбая стерва, бескорыстная оторва, женщина-Женщина (редкий тип), неприкаянная женщина-странник, как в пьесе А. Образцова “Блуждания” (из жизни женщин); торговка (баба базарная), у которой “кошелек – эрогенная зона”; женщина-амазонка.

Причем **анализ идет на разных возрастных и социальных срезах**. Часто возрасты и социальные срезы противопоставляются: Н. Воронов, “Лелька”, (бабушка-профессор и внучка-подросток), А. Галин, “Сирена и Виктория” (профессор и бизнес-леди, которая “из грязи да в князи”).

Героини сами пытаются определить себя во времени и социуме. Прекрасная иллюстрация самоидентификации в пьесе Неды Нежданы “Тот, который откроет дверь”, где тридцатилетняя Вера, оценивая себя с и свою подругу по несчастью, говорит: “Мы социально опасные типы. Или типки? Или типули? А, может, типухи?...” [9]. Лингвистическая игра только усугубляет авторскую горькую иронию.

Тема “Женщина и город” **воплощается в современной драматургии преимущественно в траги-ироническом ключе** с использованием различных форм парадокса и активным включением абсурдистских элементов. В пьесе “Лиля” главная героиня, решив добровольно уйти из жизни, сама следит, правильно ли выкопали могилу, соответствует ли эскизу надгробью, все ли учтено в меню поминального обеда. Вера и Вика (“Тот, который откроет дверь”), обсуждая *свою, возможно близкую, смерть*, моделируют классический эпизод, где трагическое и комическое буквально сплавляются, вызывая у читателя и зрителя смех с болевым “послевкусием”:

“Вера. Ой, а мне же и одеть то в гроб нечего... Вот, правда шубку недавно приобрела...

Вика. Нет, в шубе в гробу... неприлично, да и, наверное, жарко будет.

Вера. Жарко? А у меня еще купальничек новенький, ни разу не надеванный, веселенький такой, в горошек.

Вика. Нет, в горошек не пойдет, если бы еще черный какой-то или хотя бы темно-синий... А так... Вот это все наша совковая привычка – оставлять все на потом... как-то, когда-то, где-то, с кем-то...

Вера. Так внезапно же все случилось, скоростижно!

Вика. Об этом как раз все предупреждены. Заблаговременно. Вот у нас всему учатся. Машину водить – три месяца, экзамены, только потом – води. А умирать – никто не готов. Нужно какие-то курсы, зачеты. И так: не подготовился – не лезь умирать” [9].

Темп городской жизни заставляет женщину суетиться, меняться, забывая о главном, в том числе о том, что жизнь коротка, а смерть неожиданная (“человек внезапно смертен”, как заметил булгаковский Воланд).

В современном городе энергия отрицания опережает энергию конструктивную. Агрессивность становится основой отношений к окружающим и жизни в целом. Появился даже парадоксальный термин “агрессивный гуманизм”. Нередко агрессия трансформируется в полное равнодушие, жизненная позиция определяется как “пофигизм”, попытка полностью освободиться от действительности. Это опять же в первую очередь бьет по женщине. Драматурги конца XX – начала XXI вв., выделяя много негативного в жизни женщины города, уповают на любовь. И хотя А. Яхонтов назвал свою пьесу “Любошь” (контаминация символична!), только любовь может спасти и женщину, и мужчину от полной гибели под стопой “города-робота”. Лиля Кучкиной, которая “массажисткой каталась с хоккеистом, за границу бежала... Училась, закончила юрфак, трудилась юрисконсультантом... стала “принцессой крови”, то бишь рубщиком мяса в лавке. И в оборудованном ею же аду раскатывала на “Вольво”, швырялась деньгами и любовниками...” [10, с. 123] на пороге смерти кричит одному из вздыхателей: “Полюби меня, миленький! Полюби как-нибудь, с договором, без договора, со словами, без слов... я устала без любви... я как подзаборная собака!” [11, с. 118].

Жажда любви, невзирая на “гримасы биархата”, – естественное состояние женщины, ибо она просто обязана (по воле Высших сил) любить, быть источником любви и даже “проповедовать любовью” (Р. Кречетова). Поэтому одна из главных задач современных филологов – исследование художественной интерпретации этой проблемы в литературе рубежа тысячелетий, в том числе в драматургии.

Список использованной литературы

1. Эдлис Ю. Одуванчик / Ю. Эдлис // Современная драматургия. – 1999. – № 4. – С. 49 – 59. 2. Арбатова М. Виктория Васильева глазами посторонних // Арбатова М. Визит нестарой дамы / М. Арбатова. – М.: Эксмо, 2003. – 512 с. С. 359 – 397. 3. Покорская Е. Куклы и маски – герои нашего времени / Е. Покорская // Современная драматургия. – 2002. – № 2. – С. 170 – 174. 4. Рюриков Ю. По закону Тезея. Мужчина и женщина в начале биархата / Ю. Рюриков // Новый мир. – 1986. – № 7. – С. 174 – 198. 5. Кучкина О. Сусси, или Триумф / О. Кучкина // Современная драматургия. – 1004. – 3. – С. 39 – 62. 6. Нарши Е.: “Драматург имеет дело с идеалом”. Беседу ведет Светлана Новикова / Е. Нарши // Современная драматургия. – 2008. – № 1. – С. 192 – 198. 7. Арбатова М. Драха нах вестен // Арбатова М. Любимые связи / М. Арбатова. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. – 466 с. С. 348 – 368. 8. Галин А. Сирена и Виктория / А. Галин // Современная драматургия. – 1997. – № 4. – С. 53 – 78. 9. Неда Неждана. Тот, который откроет дверь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/n/nezhdana_n_m/morgdoc.shtml 10. Злотников С. Об интересе смерти / С. Злотников // Современная драматургия. – 1990. – №1. – С. 122 – 123. 11. Кучкина О. Лиля / О. Кучкина // Современная драматургия. – 1990. – № 1. – С. 106 – 120.

Чернієнко Л. В. Жінка в сучасному місті (на матеріалі російської драматургії порубіжжя тисячоліть)

В статті розглядаються проблеми, пов'язані з відображенням в російській драматургії кінця ХХ – початку ХХІ століть жіночої долі в умовах сучасного міста. Особлива увага приділена деформуючому впливу життя міста, в першу чергу мегаполісу, на жіночу психіку та моделі поведінки в соціумі міста. Враховується принцип гендерного підходу, причому акцент робиться на специфіці перехідного періоду – бархату, коли істотно змінюються соціальні ролі жінки та чоловіка. В зв'язку з цим порушується тема руйнування родини традиційного типу. З художніх засобів виділені трагі-іронія як сюжетно-композиційна основа більшості “міських” п'єс, парадокс, елементи театру абсурду.

Ключові слова: місто, жінка, чоловік, бархат, деформація, маскулінізація, трагі-іронія, парадокс, абсурд.

Черниенко Л. В. Женщина в современном городе (на материале русской драматургии рубежа тысячелетий)

В статье рассматриваются проблемы, связанные с отражением в русской драматургии конца ХХ – начала ХХІ столетий женской судьбы в условиях современного города. Особое внимание уделено деформирующему влиянию городской жизни, в первую очередь мегаполиса, на женскую психику и модели поведения женщины в городском социуме. Учитывается принцип гендерного подхода, причем

акцент делается на специфике переходного периода – биархата, когда существенно меняются социальные роли женщины и мужчины. В этой связи затрагивается тема разрушения семьи традиционного типа. Из художественных средств выделена траги-ирония как сюжетно-композиционная основа большинства “городских” пьес, парадокс, элементы театра абсурда.

Ключевые слова: город, женщина, мужчина, биархат, деформация, маскулинизация, траги-ирония, парадокс, абсурд.

Chernienko L. V. Woman in the Modern City (Based on the Turn of the Century Russian Drama)

The problems associated with reflection at the end of the twentieth Russian drama early. Twenty-first century. Topic of women’s fate in a modern city. Particular attention is given to distorting the city life, especially the metropolis, the female psyche and behavior of women in urban society. Takes into account the principle of gender mainstreaming, with emphasis on the specifics of the transition period of biarhat when changing social roles of women and men. In this regard, touched upon the destruction of the traditional type. Of artistic media-isolated tragic irony as the basis of subject compositional plays, paradox, elements of theater of absurdity.

Key words: city, woman, man, biarhat, deformation, masculinization, tragi-ironic, paradox, absurd.

Стаття надійшла до редакції 30.09.2012 р.

Прийнято до друку 30.11.2012 р.

Рецензент – к. філол. н, доц. Бойцун І. Є.

УДК 821.161.2.02–1/–9.09

В. Й. Шапіро

**ЖАНРОВІ ОЗНАКИ
У “КИЇВСЬКІЙ” ПОЕЗІЇ “НЕОКЛАСИКІВ”**

Постановка проблеми. У ХХ ст. 20-ті роки увійшли в історію революційними подіями та великими соціальними змінами. У цей час місто остаточно перемагає село в умовній боротьбі й веде першість у житті країни. Центр життя повністю перемістився до міста. Таке явище почали називати урбанізацією, і воно проникало практично у всі сфери людської діяльності. Література не стала винятком. Образи міста, його життя, все частіше почали займати основну увагу письменників. Тож за урбанізм в літературі прийнято вважати “зображення в художніх творах великих міст, мегаполісів, увагу до техніки, відтворення стрімкого темпоритму життя, шумів тощо” [1, с. 516]. Класичні жанри зазнають